

Е.Ю. Гуськова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ХОРВАТИИ
В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

Abstract:

Guskova E.Yu. *Ethnic minorities in Croatia in the first decade after World War Two (based on archival materials)*

The article deals with the national question in Croatia in the first decade after the Second World War. The research is based on archival documents from Serbia and Croatia. In Croatia the Italians, Hungarians, Czechs and Slovaks were considered ethnic minorities. Documents show how the ethnic communities were formed, how the Republic's authorities organised the educational system, how they supported teaching and preservation of traditions in the difficult post-war years. However, the main problem in Croatia was not the Czechs, Hungarians and Muslims, but the Serbs who considered themselves a constituent nation on par with the Croats. Relations between the Serbs and the Croats in Croatia was the main national and political issue for the Republic.

Ключевые слова: межнациональные отношения, Хорватия, сербы, хорваты, итальянцы, венгры, чехи, словаки, мусульмане, федерация.

Межнациональные отношения — важный фактор (не)стабильности политической системы Югославии на протяжении всей ее истории. В этой стране уживались, правда, не всегда гармонично, многие народы, религии и культуры. В социалистической Югославии эти сложные отношения стали одной из серьезных причин дестабилизации в развитии федерации с конца 1980-х годов.

Хорватия всегда была беспокойным регионом, одной из первых она заявила о выходе из СФРЮ. Ее путь к независимости сопровождался массовыми проявлениями ненависти к сербскому населению, хотя на этой территории жили и другие народы, которых считали национальными меньшинствами. Чтобы лучше понять истоки нестабильности в Хорватии, обратимся к архивным документам.

После окончания Второй мировой войны национальный вопрос оставался весьма важным в столь многонациональном сообществе, поэтому коммунисты подчеркивали, что новая Югославия будет строиться на федеративной основе, которая обеспечит полное равноправие народам Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины.

В период становления государственных структур, задумывая создать сбалансированную систему федеративных отношений, Коммунистическая

партия Югославии (КПЮ) проводила большую работу по, говоря современным языком, мониторингу ситуации в разоренных войной освобожденных частях страны — Боснии и Герцеговине (БиГ), Черногории, Далмации, Македонии, Хорватии, Словении. В Архиве Югославии и Государственном архиве Хорватии тогдашнюю ситуацию, начиная с лета 1945 г., освещают документы двух видов: доклады партийных организаций с мест и отчеты инспекторских групп, посылаемых Белградом или Загребом, в краевые партийные комитеты. Эти материалы показывают, сколь непростой была ситуация на местах летом 1945 г. Кроме того, они отражают состояние дел в экономике, партийных организациях, социальной сфере, переполнены планами деятельности. Но для нас важно, в каком состоянии находились межнациональные отношения, осложненные политическими и идеологическими обстоятельствами войны и оккупации.

В БиГ трудности межнационального диалога между сербами, мусульманами и хорватами сопровождалась серьезными противоречиями между воевавшими по разные стороны баррикад устахами, четниками и партизанами, а также национально-классовыми группами населения. В Македонии сложность межнациональных отношений определялась присутствием на ее территории большого числа мусульманского населения — турок, албанцев и исламизированных македонцев. Национальный вопрос играл в Македонии большую роль. Албанцы не хотели поддерживать новую власть, поскольку были уверены, что она помешает осуществить им национальные чаяния по созданию самостоятельного албанского государства. В Черногории общество было разделено не по национальному признаку, а по вопросу принадлежности к четникам или партизанам. При этом албанское (Бар, Подгорица, Андриевац) и мусульманское (Плевле, Бераны, Белополе, Бар) население требовало особого внимания новой власти, поскольку оно не принимало идею братства и единства, выражало недовольство своей жизнью в республике.

Хорватия в первые послевоенные годы переживала не лучшие времена. Во время Второй мировой войны она была союзницей Германии, на ее территории было создано фашистское Независимое государство Хорватия (НГХ), в котором усташи бесчинствовали, уничтожая сербское население. В 1945 г. Хорватия вошла в состав Югославии, большинство народов которой на своих плечах вынесло победу над фашизмом. Поэтому ситуация для хорватов была сложная: совсем недавно часть из них была на стороне фашистов, убивала сербов, уничтожала их в концлагерях, а теперь и тем, и другим предлагалось не только жить вместе, но и строить светлое будущее на идеях братства и единства.

Несмотря на то, что между сербами и хорватами существовали недоверие, неприязнь и даже вражда, сербы позиционировали себя в рес-

публике как равноправный с хорватами народ. Согласно Конституции Республики Хорватии 1947 г., «сербы в Народной республике Хорватии равноправны с хорватами»¹. Однако хорватский историк Иво Голдстейн пишет, что после войны часть сербского населения считала, что им угрожает опасность. По его мнению, это было связано с «недемократическим обществом, в котором существуют традиции насилия и преступлений»: в нем любой представитель национального меньшинства не ощущает себя комфортно и создает механизмы самозащиты, как правило, тоже по недемократическим рецептам². Сербов И. Голдстейн считает национальным меньшинством.

Сразу после войны, естественно, страсти в республике не улеглись. В основе раздробленности населения лежали вопросы сотрудничества с фашистами или поддержки национально-освободительного движения. Некоторые хорваты не признавали новую власть, не желали с ней сотрудничать, другие, как показывают документы, чувствовали себя обделенными ее вниманием. Послевоенное руководство республики, еще не имея опыта работы, все же пыталось наладить мирную жизнь в трудных условиях неприятия сербским и хорватским населением друг друга. В партийных депешах, которые посылались в Белград из Хорватии в 1945 г., села делились на «повстанческие» и «неповстанческие». К первым относились те, жители которых, преимущественно сербы, поднялись на восстание против фашистских оккупантов; вторые же во время войны поддерживали хорватскую усташескую власть. В мирное послевоенное время отношения между такими селами оставались натянутыми еще долго. В октябре 1945 г. хорватские коммунисты писали в Белград, что в Хорватии существуют и «реакционные» хорватские села, которые выступают «за Мачека³», и сербские, предпочитающие монархию и короля. Еще по селам ходят усташеские и этнические «элементы», которые агитируют народ, но, как говорится в одном из документов, безуспешно. И через пять лет ситуация мало изменилась. Инструкторы ЦК КПЮ сообщали в 1950 г. из Хорватии о «неправильном отношении к хорватам», жившим в тех местах, откуда на войну уходили усташаи. Эти села сербы продолжали считать бандитскими, а к хорватам относились «воинственно»⁴.

Соответственно и к новой власти, и к партии на местах отношение было разным. Еще долго в Коммунистическую партию Хорватии (КПХ) вступало больше сербов, чем хорватов, и именно сербы становились опорой новой власти. В 1945 г. сербы составляли 43% всех членов КПХ⁵. По регионам цифры разнятся. В Лике, например, сербов — членов партии было 86,6%, а в Бании — 89,4%⁶. Членство в партии влияло и на преобладание сербов в республиканском госаппарате, в милиции, экономической сфере.

Коммунисты с трудом создавали прочную республиканскую партийную структуру как основу будущей политической системы. «Нельзя сказать, что в широких массах партия имеет тот авторитет, который должна иметь», — отмечалось в сообщении инспекторских групп с территории Славонии в 1946 г.⁷

Если в Хорватии сербов считали вторым, наравне с хорватами, «народом», то к национальным меньшинствам относили итальянцев (33 316 чел.), венгров (47 711), чехов и словаков (33 526)⁸. В 1951 г. в ЦК Компартии Хорватии была сформирована Комиссия по национальным меньшинствам. Серьезных проблем, как считали власти, с ними не должно было быть, хотя комиссия полагала, что с венграми, чехами и итальянцами работу надо усиливать, так как они тяготеют к «старой» Югославии и с непониманием относятся к новой власти. Их характеризует, читаем в документах, национальный романтизм, патриотизм, боязнь ассимиляции. Исходя из этих характеристик, КПХ и строила свою работу. Создавались культурные общества национальных меньшинств (в 1949 г. их было 57), для них открывались школы (в 1951/1952 учебном году — 83), налаживалась издательская деятельность, готовились радиопередачи⁹. Для нужд национальных обществ в 1949–1950 гг. три общества (итальянцы, венгры и чехи) получили 2 465 000 динаров¹⁰.

Самой крупной группой среди национальных меньшинств в Хорватии была итальянская. Объединяла интересы итальянцев общественная организация «Итальянская уния», которая объединяла семь клубов культуры, создававшихся в местах со значительным итальянским населением. Больше всего итальянцев было в районе Риеки. Клубы на местах имели кружки по интересам, курсы музыки, пения, рисования, хорватского языка, они открывали выставки, проводили фестивали культуры, организовывали семинары и лекции по актуальным политическим вопросам (например, по вопросам отношения с Москвой в 1949 г.). «Уния» занималась и издательской деятельностью. Так, на итальянском языке выходила «Малая политическая библиотека», в которой публиковались выступления югославских и хорватских руководителей, статьи из журнала «Коммунист» и газеты «Борба». На итальянский язык переводились книги Иосипа Броза Тито, Эдварда Карделя, Милована Джиласа, Моше Пияде и Бориса Кидрича по политическим и экономическим вопросам. На итальянском языке печатались четыре газеты и два журнала¹¹. Всего в Хорватии было 40 начальных школ и семилеток, три гимназии, одна учительская школа и экономический техникум, где преподавание велось на итальянском языке¹².

Инструкторские группы, побывавшие в местах со значительным итальянским населением, сообщали в Загреб, что итальянцы очень недо-

верчивы и часто колеблются при принятии решения, слушают итальянское радио, мечтают жить в Италии, слабо вступают в коммунистическую партию. Например, их численность в городе Ровинь составляла 63,3% от всего населения, а численность среди коммунистов города — всего 13,11%. В Опатии, соответственно — 22,7 и 0,48%¹³. Несмотря на активную работу с ними, некоторые итальянцы стремились уехать в Италию. В органах внутренних дел городов Ровиня, Риеки и Пулы после 1945 г. лежало более 1000 заявлений на выезд. Правда, через шесть лет некоторые итальянцы передумали и отозвали свои заявления¹⁴. Все инструкторы отмечали, что итальянцы очень активно работают в отделениях «Унии», проводят фестивали, смотры, концерты, что у местных хорватов вызывает даже неприязнь, так как они не могут работать на таком же уровне¹⁵.

Работа с венграми в Хорватии в первые послевоенные годы была менее активной и осложнялась рядом обстоятельств. Судя по документам, хорватским коммунистам было трудно работать с венгерским меньшинством. Причины назывались разные. Одни инструкторы полагали, будто венгры обижались, что на них часто смотрят как на врагов, ведь они имели свои культурные общества, работавшие и при фашистах. По этой причине венгры не стремились участвовать в работе новых обществ культуры. Другие видели проблему в отсутствии кадров со знанием венгерского языка для работы в газете и на радио. Третьи корни проблемы искали в предшествующем периоде: ведь во время войны многие из них входили в организацию «Нилашисты»¹⁶ и оставили свой кровавый след в Воеводине¹⁷. В одной из записок пассивность части венгерского населения объяснялась тем, что некоторые уже ассимилировались, не знали родного языка и не стремились участвовать в работе национальных организаций культуры, а также тем, что некоторые венгры в полной мере ощутили на себе «политику экспроприации»¹⁸.

В папке Комиссии по национальным меньшинствам ЦК СКХ за 1952 год сохранилась аналитическая записка, посвященная как раз вопросу положения венгров в Хорватии. В ней отмечается, что часто венгры не желают подчеркивать свою национальность и даже отказываются от нее. «Главные причины, — по мнению авторов документа, — нужно искать в недавних политических событиях, затем в организационных ошибках и, безусловно, в экономических условиях»¹⁹. И далее разъясняется, что еще до Первой мировой войны у венгров на этой территории была активная «культурная жизнь», свои лидеры, а после войны они ощутили шовинизм, который нанес непоправимый ущерб проживающему там венгерскому населению. У них осталась только одна школа, которая просуществовала до 1929 г., закрыты все библиотеки и читальни, кредитные задруги. Венгры теряли работу, если не отрекались от своей национальности, и не могли

найти новую, им запрещалось говорить на родном языке. Перед Второй мировой войной атмосфера несколько потеплела, и венгры начали создавать свои культурные общества и открывать библиотеки. Во время войны они даже расширили свои требования — захотели культурную автономию. Но этот процесс остановлен после 1945 г. Все венгерское население переписали, закрыли все культурные общества и прогнали всех лидеров. Поэтому, делается вывод в Записке, должно пройти время, чтобы к венграм в Хорватии вернулось самоуважение и они начали бы принимать новую «социалистическую действительность». Необходимо подыскать и новых вождей, за которыми бы пошел народ, а также открыть как можно скорее библиотеки, наполнив их книгами на венгерском языке²⁰.

Видимо, по этим причинам открытие культурного национального венгерского центра затянулось. Культурный союз венгров (КСВ) был создан только в ноябре 1949 г. Тогда же появилась первая газета на венгерском языке. А на радио в городе Осиек два раза в неделю отдельные передачи звучали по-венгерски. Коммунисты из города Осиек, где проживало много венгров, в бумагах, направленных в ЦК КПХ, предупреждали, что к ним надо относиться осторожно, при этом работу с ними следует наращивать.

Только в 1958 г. подсчитали, что в Хорватии венгры проживали в 59 населенных пунктах — городах и селах. Из них в 38-ми их численность была небольшой: от 200 до 500 человек²¹. Такая разбросанность населения значительно осложняла работу по охвату всего венгерского населения «культурной работой». Нелегко было и там, где венгров было много. В середине 1949 г. в Осиеке и окрестностях их насчитывалось 45 тыс. человек. По сообщениям с места, они якобы ощущали себя «высшей» нацией по сравнению со славянами, не хотели изучать сербско-хорватский язык. Пришлось открывать венгерские школы — в 1948 г. их было 28²². В 1950 г. в этой области работали уже 26 отделений КСВ, хотя активными считались только 20²³. В обществах культуры (в 1953 г. — 20) работали драматические, балетные и фольклорные кружки, открывались библиотеки и читальные залы. А поскольку венгров в партии было мало, работу предлагалось вести через Народный фронт, молодежные или женские организации. Все проверяющие отмечали важность распространения книг на венгерском языке, фильмов, которые можно было бы показывать по венгерским селам.

Чехи в Хорватии проживали компактно в нескольких районах. В Беловарской области их было около 20 тыс. человек, а в Даруваре они составляли треть населения или 12 тыс.²⁴. Партийные инструкторы отмечали, что среди чехов в первые два года после войны сильным было движение репатриации²⁵. Судя по документам, результаты работы с че-

хами были весьма скромными. Их организация под названием «Чешская беседа» (в Загребе — «Чехословацкая община») была сформирована только в конце 1948 г., а в 1953 г. ее отделений было уже 36²⁶. Работу они начинали медленно. Главная претензия хорватских коммунистов к работе чешских «Бесед» состояла в том, что в деятельности клубов отсутствовала политическая направленность, а политическое руководство было слабым. Еженедельная газета «Еднота» слабо освещала политические вопросы, в частности, борьбу против Коминформа. Пришлось даже заменить главного редактора. Вообще пропаганда борьбы против ВКП(б) стояла в те годы на первом месте, поэтому хорватские коммунисты строили планы усиления работы общественных организаций среди национальных меньшинств по этому вопросу²⁷. К 1955 г. 34 общества «Чешская беседа» имели в своем составе уже 5000 человек. Они создали 49 читален с 7000 разных книг на чешском языке. Всего за два года было проведено 406 политинформаций, прочитано 286 лекций, 106 — по тематике марксизма, показано 121 театральное представление, проведены 157 вечеров-встреч с интересными людьми, а также 136 других мероприятий. В чешских обществах хорошо были развиты фольклорные ансамбли, хоры, театральные кружки. Известны были чехи и по театру кукол. Даже хорваты в селах присоединялись к работе этих кружков. Чехи и словаки имели свои начальные школы и семилетки: у первых их было 35, у вторых — 5²⁸. Согласно другим данным, всего было чешских и словацких школ и семилеток в 1951/1952 гг. — 16, а в 1953/1954 гг. — 19²⁹. Чехи активно участвовали в общественной жизни: 872 из них работали в органах народной власти³⁰.

Документы 1954 и 1958 гг.³¹ показывают, что проблема национальных меньшинств в Хорватии и в конце 1950-х годов продолжала оставаться серьезной, не до конца решенной. Партийные проверки выявляли самоуправство местных властей в отношении чехов, итальянцев и венгров: закрывали национальные школы и требовали расширения возможности хорватских школ за счет национальных, не поддерживали мероприятия, не вывешивали национальные флаги на совместных праздниках. Комиссии ЦК по национальным меньшинствам и в Загребе, и в Белграде провели ряд заседаний, посвященных анализу деятельности обществ и объединений итальянцев, чехословаков и венгров на территории республики, а также работе школ, изданию газет и журналов. Кстати, на этих совещаниях много внимания уделялось антиюгославской деятельности соседних стран, попытке использовать венгерское, чешское, румынское население в ФНРЮ для ослабления югославской власти³².

По сообщениям министерства внутренних дел Хорватии (1952), в Загребе после войны было много мусульман³³. Причем их численность

постоянно росла и составила в 1959 г. 10 тыс. человек³⁴. Часть из них — это студенты, приехавшие учиться, а также мусульмане, которые жили в Хорватии давно. Они были лояльны по отношению к власти и не вызывали у МВД опасения. Другую группу составляли «проустанешкие» мусульмане, которые еще до войны уехали из БиГ. Их считали врагами новой власти, поскольку они не изменили своих взглядов. К третьей немногочисленной группе отнесли религиозных фанатиков террористической организации «Молодые мусульмане». Они открыто действовали во время войны, а теперь перешли на нелегальное положение и готовят теракты против существующей власти. МВД Хорватии считало, что в пропаганде враждебности большую роль играет загребская мечеть, имам которой собирает вокруг себя враждебные мусульманские элементы и в проповедях критикует власть, общество, предвещает наступление «трудного периода».

Как видим, послевоенная Хорватия — это многонациональная республика, руководство которой пыталось наладить совместную жизнь со всеми национальными меньшинствами на своей территории. Однако главную проблему в Хорватии составляли не чехи, венгры или мусульмане, а сербы, которые ощущали себя государствообразующим народом наравне с хорватами. Отношения между сербами и хорватами в Хорватии явились главным национальным и политическим вопросом республики, да и всей послевоенной федерации. По мнению хорватских коммунистов, в 1945 г. «углубление братства и единства между сербами и хорватами до сих пор еще не решенный вопрос»³⁵. В сентябре 1946 г. инструкторские группы обратили внимание на то, что «отношения между сербами и хорватами не такие, какими должны были бы быть»³⁶.

Положение не улучшилось и к 1950 г.: «Вопросам братства и единства между сербами и хорватами партийные организации не уделяют достаточного внимания. Они не видят, что это серьезная проблема»³⁷. Так писали коммунисты, которые инспектировали партийные организации во всех районах Хорватии в 1950 г. Однако они заметили другое: сербы быстрее хорватов стремились в партию, их вдвое больше училось в партийных школах, они были лояльнее по отношению к новой власти и непропорционально больше занимали руководящие должности в местных органах власти. Так, в 1950 г. сербы-коммунисты составляли 4,1 % от численности населения Карловацкой области, а хорваты — 1,4 %³⁸. В других срезам ситуация была похожей — хорваты почти не вступали в партию. В некоторых хорватских селах вообще не было партийных организаций³⁹. Инструкторы, пытаясь это объяснить и найти выход из столь нездоровой ситуации, в 1950 г. обращали внимание на «великосербские элементы», которые имеют ряд преимуществ, и на неправильное отношение комму-

нистов к хорватам⁴⁰. Проблема взаимоотношений сербов и хорватов в Хорватии продолжала оставаться актуальной еще долгое время.

Подводя итог, напомним, что югославские коммунисты в первые послевоенные годы отодвигали национальный вопрос на второй план, учитывая сложность этих отношений в годы Второй мировой войны. Однако за становлением и упрочением партийных организаций Белград следил постоянно, начиная с лета 1945 г. В первую очередь инструкторские группы обращали внимание на организационные вопросы местных партийных ячеек, но избежать упоминания проблем, доставшихся от войны, не получалось. Поэтому в отчетах проверяющие много пишут об экономических трудностях, настроениях людей, их отношении к новой власти. Там же мы находим и сведения о межнациональных отношениях в республиках и приходим к выводу, что в послевоенной Югославии межнациональные проблемы проявлялись очень отчетливо и в основном возникали в республиках, где наряду с титульной нацией были и национальные меньшинства. На фоне непризнания новой власти и переплетения идеологических разногласий усложнялись отношения и между народами одной республики. Это отчетливо видно в Хорватии. Как показали события 1990-х годов, противоречия между сербами и хорватами не смогли нормализоваться на протяжении всех лет существования социалистической Югославии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Narodne novine. Službeni list Narodne Republike Hrvatske. Zagreb, 1947. 23. siječnja. S. 19.

² Goldstein I. Hrvatska 1918–2008. Zagreb, 2008. S.655.

³ Владко Мачек — хорватский политический деятель, лидер Хорватской крестьянской партии, в годы фашистской оккупации Югославии призывал сотрудничать с новым режимом Анте Павелича. В 1945 г. бежал во Францию, потом в США.

⁴ Izveštaj instruktorskih grupa СККРЈ о обиласку неких партијских организација у Хтватској 21 sept. 1946 г. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-VI, јед. 12.

⁵ Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. S. 260.

⁶ Goldstein I. Hrvatska 1918–2008. S. 654.

⁷ Izveštaj instruktorskih grupa СККРЈ о обиласку неких партијских организација у Хтватској 21 sept. 1946 г. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-VI, јед. 3.

⁸ Izveštaj o radu sa nacionalnim manjinama u Hrvatskoj // Hrvatski državni Arhiv. F. 1220. CK SKH. Agitprop. Komisija za nacionalne manjine. Kut. 1.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Centralnom Komitetu KPH-a (Upravi agitpropa) // Hrvatski državni Arhiv. F. 1220. CK SKH. Agitprop. Komisija za nacionalne manjine. Kut. 8.

¹¹ Ibid. Kut. 1.

¹² Ibid. Kut. 12, 1.

¹³ Ibid. Kut. 8.

- 14 Ibid. Kut. 2.
 15 Ibidem.
 16 Нилаштысты — члены фашистской Партии скрещенных стрел в хортистской Венгрии в 1938–1945 гг.
 17 Ibid. Kut. 8.
 18 Ibidem.
 19 Ibid. Kut. 2.
 20 Ibidem.
 21 Ibidem.
 22 Ibid. Kut. 8.
 23 Ibid. Kut. 8.
 24 Ibidem.
 25 Ibid. Kut. 1.
 26 Ibidem.
 27 Ibidem.
 28 Ibid. Kut. 12.
 29 Ibid. Kut. 1.
 30 Ibid. Kut. 8.
 31 Ibid. Kut. 1.
 32 Ibid. Kut. 2.
 33 Vjersko i političko djelovanje muslimana u Zagrebu // Hrvatski državni Arhiv. F. 1561 RSUP. Agitprop. Kut. 004. 1.
 34 Ibidem.
 35 Oblasni komitet K.P.H. za Dalmaciju Centralnom Komitetu Komunističke partije Jugoslavije // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-XXI, јед. 26.
 36 Izveštaj instruktorskih grupa СК КПЈ о обиласку неких partijskih organizacija u Hrvatskoj 21 sept. 1946 g. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K-VI, јед. 1.
 37 Там же. Јед. 13.
 38 Там же.
 39 Там же. Јед. 24.
 40 Там же. Јед. 12.